

Авторитарные выборы: состояние литературы и исследовательские проблемы*

Медведев Ю. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; medvedev-ys@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье дается обзор актуальных исследований, посвященных выборам в условиях авторитарных политических режимов. С этой целью отобран ряд значимых работ по указанной проблематике, опубликованных в рецензируемых академических журналах с высоким импакт-фактором. Оценка значимости работ произведена прежде всего на основе показателей их цитируемости по данным Scopus и Google Scholar. Констатируется, что несмотря на быстрый рост количества работ по авторитарным выборам в течение двух последних десятилетий, до построения целостной теории в этой области пока еще далеко. Основное внимание в обзоре уделено вопросу о том, как выборы влияют на выживание авторитарных режимов. По этому поводу в литературе представлены противоречивые позиции. С одной стороны, выборы рассматриваются как инструменты стабилизации авторитарного правления, с другой стороны — как источники нестабильности, и с третьей — как рычаги демократизации.

Ключевые слова: авторитаризм, выборы, политический институт, политический режим

Для цитирования: Медведев Ю. С. Авторитарные выборы: состояние литературы и исследовательские проблемы // Управленческое консультирование. 2022. № 3. С. 41–57.

Authoritarian Elections: State of Literature and Research Problems

Yury S. Medvedev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; medvedev-ys@ranepa.ru

ABSTRACT

The article provides an overview of current research on elections in authoritarian political regimes. For this purpose, a number of significant papers on this issue have been selected, published in peer-reviewed academic journals with a high impact-factor. The assessment of the significance of the works was made primarily on the basis of their citation indicators according to Scopus and Google Scholar. It is stated that despite the rapid growth in the number of works on authoritarian elections over the past two decades, it is still far from building a comprehensive theory in this area. The review focuses on the question of how elections affect the survival of authoritarian regimes. In this regard, conflicting positions are presented in the literature. On the one hand, elections are seen as instruments for stabilization of authoritarian rule, on the other hand — as sources of instability, and on the third — as levers of democratization.

Keywords: authoritarianism, elections, political institution, political regime

For citing: Medvedev Yu. S. Authoritarian elections: state of literature and research problems // Administrative consulting. 2022. N 3. P. 41–57

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Введение

Существует давняя традиция определять демократические режимы через выборы, в соответствии с которой конкурентные выборы рассматриваются как минимально необходимое условие демократии [17]. Несмотря на высказывавшуюся в свое время критику так называемого «электорализма» [64], признание тесной связи между выборами и демократией является одной из констант политической науки, причем в наиболее крайних трактовках оно доходит до их взаимного отождествления, образуя так называемую «минималистскую концепцию» демократии [66]¹. В последние пару десятилетий, однако, такой радикальный подход обнаруживает все более очевидное несоответствие реальности, так как в настоящее время хотя бы формально конкурентные национальные выборы проводит также большая часть авторитарных режимов.

Автократии проводят многопартийные выборы не первый век [23]. За долгую эпоху своего существования авторитарные выборы претерпели определенную эволюцию. Так, например, до Второй мировой войны это были преимущественно выборы с относительно высокой конкуренцией, но с низким уровнем участия. После Второй мировой и до окончания холодной войны авторитарные выборы, напротив, характеризовались относительно невысокой конкуренцией, но уровень участия вырос — главным образом, за счет повсеместного распространения всеобщего избирательного права. Наконец, на современном этапе конкуренция на авторитарных выборах вновь повышается [51]. На фоне геополитического краха мировой системы социализма на рубеже 1980–1990-х гг. и последующего широкого распространения режимов, имплементирующих отдельные элементы демократии (многопартийность, конкурентные выборы и др.), это породило завышенные ожидания относительно перспектив всеобщей демократизации и установления нового мирового порядка [22]. В политологии проявлением такого чрезмерного оптимизма стало появление особой субдисциплины, разрабатывающей общие принципы переходов к демократии, — транзитологии.

Однако с завершением «третьей волны демократизации» [34] в политической науке началось переосмысление транзитологической парадигмы, которая неявно исходила из того, что проведение выборов в авторитарных странах с необходимостью ведет к демонтажу авторитаризма. В этой логике появившееся большое количество режимов, соединявших элементы авторитаризма и демократии, неизбежно должны были претерпеть демократический переход. В ходе рефлексии над транзитологическим наследием стало очевидно, однако, что такие режимы вовсе не являются «домом на полпути, который не может устоять» [34, р. 137]. Пришло осознание того, что режимы, которые у разных авторов получали различные наименования: «гибридные режимы», «полуавторитарные режимы» и т. п., являются вовсе не смесью авторитаризма и демократии, а полноценными автократиями, которые научились использовать в своих целях заимствуемые у демократий феномены². И что такие режимы вовсе не являются переходными, что они не ступени на пути к демократии, а представляют собой вполне устойчивые и долгосрочные

¹ Ср. также афоризм С. Хантингтона: «Выборы — это не только жизнь демократии; это еще и смерть диктатуры» [34, р. 174].

² Левицки и Вэй одними из первых подчеркнули, что режимы, соединяющие в себе элементы демократии и авторитаризма (которые нередко называют «гибридными»), по сути своей все же являются авторитарными. По мнению исследователей, более корректно такие режимы было бы обозначать как «конкурентный авторитаризм» (позднее этот термин закрепился за одной из разновидностей «электорального авторитаризма»). Ср.: «Хотя ученые характеризовали многие из названных режимов как «частичные» или «усеченные» формы демократии, мы склонны согласиться с Хуаном Линцем, что их правильнее называть усеченными формами авторитаризма» [40, р. 52].

явления [13]. Как написал позднее один из исследователей авторитаризма в Юго-Восточной Азии: «Демократизация не вытекает исключительно из свободной игры ничем не ограниченных политических действий. Существуют сложные локальные ландшафты с множеством обуславливающих факторов, которые необходимо учитывать, и все они по-разному влияют на принимаемые решения и стратегии изменений» [12, р. 140].

Переоценке подверглась и роль демократических институтов, устанавливаемых авторитариями. В период расцвета транзитологии преобладали их полярные оценки. С одной стороны, предполагалось, что выборы, парламенты, партии при авторитаризме — не более чем «фасады», не имеющие самостоятельного значения. С другой стороны, бытовала и точка зрения, что, будучи установлены в авторитарных условиях, они ограничивают произвол элит в целом так же, как они это делают при демократии. В настоящее же время преобладает подход, рассматривающий рецепцию авторитаризмом исходно демократических институтов как «порчу» (*subversive institutions*), способную поставить их на службу авторитарным целям. Концентрированным концептуальным выражением такого подхода стало понятие «электорально-го авторитаризма» [60]¹.

Теоретические основы и метод

Под «электоральным авторитаризмом» в литературе понимается авторитарный режим, который на регулярной основе проводит выборы национального уровня при наличии формальной или до некоторой степени реальной конкуренции. Однако государство при этом осуществляет настолько серьезное, широкое и систематическое манипулятивное вмешательство в электоральный процесс, что ни о каком демократическом характере выборов говорить не приходится [60, р. 3]. В арсенале таких режимов есть множество инструментов (в том числе электоральные фальсификации, ограничения электоральной активности оппозиции, контроль над СМИ) [61], применяя которые авторитарные правители стремятся избежать неопределенности электоральных исходов, свойственной выборам в условиях демократии.

В политической науке принято рассматривать электоральный авторитаризм как режим, который, с одной стороны, отличается от электоральной демократии, а с другой — от полномасштабного авторитаризма. Электоральный авторитаризм, в свою очередь, подразделяется на конкурентный (соревновательный) авторитаризм и гегемонистский авторитаризм [18; 33]. В зависимости от того, принадлежит ли режим к первому или второму типу, преобладают более «тонкие» или более грубые стратегии удержания власти. В конкурентных авторитарных режимах при всей их авторитарности существует некоторая степень электоральной неопределенности. Такие режимы не просто систематически проводят выборы, но и допускают на них некоторую степень конкуренции. Однако поражение инкумбента на таких выборах практически исключено, поскольку они не являются ни по-настоящему свободными, ни справедливыми. Электоральный процесс манипулируется, хотя и не подвержен полному контролю. Важнейшим принципом, позволяющим инкумбенту не отдавать власть, является «неровное игровое поле» [39] — не только нарушения гражданских свобод и принципов свободных и справедливых выборов, но и нечестная деятельность правительства в промежутках между выборами, не затрагивающую напрямую гражданских свобод: контроль над СМИ [70], преимущественный доступ к финансовым ресурсам [30] и др. «Принимая во внимание наклон игрового поля, мы тем самым подчеркиваем, что режимы могут быть недемократичными даже в отсутствие

¹ Термин предложен в [43].

явных фальсификаций или нарушений гражданских свобод» [39, р. 6]¹. Для гегемонистских режимов, в свою очередь, характерны репрессии и масштабные электоральные фальсификации. В таких режимах «правлящая партия всегда побеждает, и ожидается, что она победит, поскольку она популярна, влиятельна и воспринимается как таковая» [63, р. 192]. Эмпирически граница между конкурентным и гегемонистским авторитаризмом проводится в зависимости от степени электорального доминирования инкумбента: «В гегемонистских авторитарных режимах инкумбент или правящая партия пользуется поддержкой подавляющего большинства избирателей (конвенционально понимаемого как выигравший более 70 или 75% голосов или мест); в то время как в соревновательных авторитарных режимах оппозиционные партии создают большую электоральную конкуренцию и получают большую долю голосов» [19, р. 703].

Как именно модифицируются автократиями исходно демократические институты? Несмотря на то, что цели, преследуемые авторитарными лидерами, могут быть разнообразными [77], но в конечном итоге все они могут быть сведены к одной — удержание власти [10; 75]. Поэтому авторитарные выборы не являются ни свободными, ни справедливыми: правители используют на них целое «меню манипуляций» [61] — тактики и инструменты, которые могут свести к минимуму риски утраты власти — от «неровного игрового поля» [39] до откровенного мошенничества [38; 47] и репрессий [27]. В сущности, электоральные авторитарные режимы — это автократии, использующие номинально демократические институты для целей удержания власти — в частности, манипулирующие электоральной конкуренцией в пользу инкумбента².

С учетом специфики, которую имеют выборы при авторитаризме, правомерно спросить, насколько они вообще являются выборами. Следует признать, однако, что такая постановка вопроса более уместна в публицистической литературе. В академических же работах термин «авторитарные выборы» используется в безоценочном смысле, так что под выборами понимается «любое событие, в рамках которого граждане голосуют за кандидатов в национальные органы власти» [23, р. 448]. В этом значении данный термин используется и в настоящей статье.

Электоральные авторитарные режимы стали наиболее распространенным типом авторитаризма после окончания холодной войны, и в настоящее время доля таких режимов среди автократий мира постоянно растет [51]. По этой причине увеличивается и количество работ об авторитарных выборах. В особенности быстро литература по таким выборам растет с начала «нулевых» годов, в связи с чем «ядро» отобранных для настоящего обзора текстов составили статьи, опубликованные за последние 20 лет. Статьи отбирались по базам данных Scopus, JSTOR и в поисковой системе Google Scholar. Поисковым запросом во всех трех случаях было

¹ Зачастую конкурентный характер таких режимов определяется лишь недостаточной консолидацией авторитаризма. Так, например, Вэй, изучая динамику политических режимов в Беларуси, Молдове, России и Украине до середины 2000-х гг., исходил из того, что «конкурентная политика [в этих режимах] в гораздо меньшей степени коренилась в прочных гражданских обществах, сильных демократических институтах или демократическом руководстве, чем в несобности инкумбентов сохранять власть или концентрировать политический контроль путем сохранения единства элит, контроля над выборами и средствами массовой информации и/или применения силы против оппонентов. Результатом стало то, что можно было бы назвать «плюрализмом по умолчанию»» [76, р. 232].

² Разумеется, было бы неверно понимать «электоральный авторитаризм» исключительно как режим с «испорченными» институтами. Для любого авторитаризма имеют значение не только структуры, но и практики, и даже демократические в структурном смысле режимы могут серьезно терять в своем демократическом качестве под воздействием нелиберальных и авторитарных практик своих лидеров. Президентство Дональда Трампа в США дает показательный тому пример [28].

выражение *authoritarian election*. Система Scopus позволяет сортировать результаты по количеству цитирований, благодаря чему был сразу произведен отбор 50 наиболее цитируемых работ в исследуемой области. Система Google Scholar такой опции не имеет, поэтому первоначально было отобрано 100 наиболее релевантных работ, а уже из их числа в «ручном» режиме было выбрано 50 наиболее цитируемых. Критерием включения работы в предварительный список было присутствие в выдаче хотя бы одной из систем — Scopus или Google Scholar. База JSTOR использовалась для верификации полученных результатов.

Первоначально предполагалось ограничиться только статьями из заранее составленного перечня рецензируемых академических журналов с высоким импакт-фактором. Однако более внимательное знакомство с литературой показало, что некоторые существенные теоретические положения и теоретически важные эмпирические данные содержатся также в монографиях, препринтах и докладах на конференциях. Без привлечения таких источников целостная картина не складывалась. Указанные источники отбирались для предварительного списка методом «снежного кома».

Наконец, из полученного предварительного списка были исключены попавшие в выдачу заведомо нерелевантные работы, а также ряд работ, имеющих маргинальное значение для данного проекта. Это были тексты преимущественно нарративного формата, сугубо эмпирические работы со скудным теоретическим бэкграундом, а также узкострановедческие и узкорегионоведческие исследования.

Даже беглый взгляд на литературу по авторитарным выборам показывает, что существенную долю в ней составляют работы, посвященные поиску ответа на вопрос, *как выборы влияют на выживание авторитарных режимов*. Данный вопрос и является исследовательским вопросом настоящей статьи. В силу ограниченности объема источники, обсуждающие другие аспекты проблемного поля авторитарных выборов — например, строго методологические работы, работы, фокусирующиеся преимущественно на электоральном поведении, на функциях авторитарных выборов, и т. д. — в данном обзоре не рассматриваются.

Структура статьи такова. Сначала обсуждаются работы, в которых выборы признаются, скорее, полезными для выживания автократий. Затем разбираются исследования, предполагающие, что выборы играют подрывную роль для авторитаризма.

Результаты и обсуждение

Выборы как стабилизирующий механизм

Как показывает анализ литературы, в ней представлены три различных ответа на вопрос, какие последствия авторитарные выборы несут для выживания автократий. Ответы эти отличаются поразительной неоднозначностью и противоречивостью. А именно, выборы могут рассматриваться как инструменты стабилизации авторитарного правления, как источники нестабильности и как рычаги демократизации [63].

Такое разнообразие сценариев влияния выборов на динамику авторитарных режимов можно объяснить двояким образом. Во-первых, выборы как сложный и многомерный феномен дают исследователям широкий выбор и зависимых переменных (каковыми могут быть, например, вероятность падения режима, срок его существования, срок пребывания в должности правителя, дискретный факт демократизации или континуальное изменение качества демократии), и независимых переменных (выборы вообще, конкурентные выборы, многопартийные выборы) [63, р. 149–150]. Этот аспект остается за рамками данной обзорной статьи. Во-вторых, разнонаправленное влияние выборов на функционирование авторитарного режима можно объ-

яснить различными контекстами проведения выборов: «На каждых выборах авторитарный успех является правилом (вероятным исходом), успех оппозиции — исключением (возможным исходом)» [63, р. 141]. Ниже последствия выборов для авторитаризма рассматриваются именно с этой точки зрения.

Первый вариант ответа на вопрос о последствиях выборов для выживания диктатур состоит в том, что, повышая внутреннюю и международную легитимность режима, ограничивая как произвол самих правителей, так и возможные неблагоприятные для режима действия элит и оппозиции (разделение власти, кооптация и т. д.), позволяя собирать и распространять важную информацию об относительной силе режима и оппозиции, авторитарные выборы помогают укреплять режим [см., например: 45; 48; 68].

Идея о том, что проведение выборов может быть полезным для автократий, не нова. Еще Геддес эмпирически установила, что авторитарные режимы, проводящие выборы, более долговечны, чем те, которые выборов не проводят [26]¹. Позднее Ласт-Окар в своей книге о взаимоотношениях правящих элит и оппозиции в Арабском мире [45] уделила большое внимание не столько тому, как правители подавляют либо кооптируют оппонентов (как во многих других исследованиях на эту тему), сколько институциональным правилам, позволяющим держать оппозицию «в рамках». От таких правил зависит взаимодействие не только между государством и оппозицией, но и между различными оппозиционными группами. Они влияют на динамику оппозиции, на неформальные стратегии режима в отношении оппонентов. Как и большинство других исследователей, опирающихся преимущественно на материалы выборов в ближневосточных государствах, а также в других издавна существующих авторитарных режимах, и в отличие от тех, кто изучает бывшие коммунистические государства, а также страны Африки южнее Сахары (Линдберг и др.), Ласт-Окар склонна полагать, что выборы способствуют авторитарному выживанию.

В свою очередь, Магалони [46] рассматривает авторитарные выборы как инструмент, распределяющий власть между членами правящей элиты. Выборы служат как бы объективным арбитром, способным разрешать возможные внутриэлитные противоречия. Таким образом, благодаря им (а также наличию политических партий) частично решается проблема доверия (commitment problem), которая всегда возникает между диктатором и его правящей коалицией. Если диктатор указанным образом ограничивает собственную власть, он снижает для себя риск насильственного смещения членами собственной элиты.

Схожим образом, Сволик [71] утверждает, что любой диктатор сталкивается с двумя основными типами проблем: горизонтальных угроз со стороны правящих элит и вертикального давления со стороны массового общества. Соответственно, возникает необходимость решения задач распределения власти среди членов правящей коалиции и контроля над массами. В зависимости от того, какие способы их решения выбирает диктатор, могут возникать (или не возникать) различные конфигурации институциональных структур, влияющих на выживаемость режима. В целом, по мысли Сволика, исходно демократические институты — такие, как легислатуры и выборы — способны успешно поддерживать современные формы авторитаризма.

Такой взгляд на авторитарные выборы укладывается в относительно новую перспективу исследования автократий, в рамках которой большое внимание уделяется политическим институтам, в том числе таким, которые происходят из демократических практик (партии, парламенты, выборы) — то, что Пепински назвал «институциональным поворотом» в сравнительных исследованиях авторитаризма [55].

¹ Геддес подразделяла автократии на персоналистские, военные и однопартийные режимы. По ее данным, наименьшая выживаемость из них характерна для военных режимов, наибольшая — для однопартийных.

Традиционно институты — вне зависимости от демократического или авторитарного контекста — рассматривались как внешние ограничители произвола правящих групп, как они это делают при демократии, т.е. как экзогенные причины политических результатов. Однако в ряде фундаментальных исследований уже давно продемонстрирован односторонний характер такого представления. Еще Райкер в свое время показал, что институты представляют собой равновесия в игре стратегически действующих акторов [58]. Институты не являются только лишь экзогенными ограничителями: они могут быть эндогенны по отношению к интересам акторов и к среде, в которой происходит взаимодействие акторов. В частности, выборы при авторитаризме способны ограничивать действия авторитарных акторов, но одновременно являются и предметом выбора с их стороны, т.е. имеют также и эндогенный характер. Иначе говоря, авторитарные выборы поддаются стратегическому манипулированию, являются не только причинами политических результатов, но и их «эпифеноменами».

Представление об институтах как о чисто экзогенных ограничителях релевантно лишь при условии, что индивиды отказываются от манипуляции институциональными правилами — например, опасаясь последствий такой манипуляции, как это бывает при демократии. При авторитаризме же такое условие отсутствует: само наличие доминирующего актора по определению ведет к тому, что отказ от манипуляций становится наименее вероятной стратегией. «Наличие доминирующих партий, характер институциональных правил, формы конкуренции за места в легислатуре и другие аспекты авторитарных институтов будут скорее отражать распределение власти в авторитарных режимах, чем экзогенно формировать его» [55, р. 5]. В том, что современные исследования авторитаризма видят принципиальную уязвимость институтов к стратегическим манипуляциям со стороны элит и стремятся изучать последствия такой уязвимости, и состоит, согласно Лепински, содержание и смысл «институционального поворота» в сравнительном изучении авторитаризма.

Таким образом, тот факт, что исходно демократические институты могут служить поддержанию авторитарного правления, объясняется тем, что в автократиях такие институты утрачивают чисто экзогенный характер и становятся «эпифеноменами» решений правителей [55]. Тем самым политическим акторам в причинно-следственной цепи отводится место не «после», а «до» институтов, и политические элиты уже не только сдерживаются институтами, но управляют ими в своих интересах. Институты становятся «уязвимыми перед стратегическими манипуляциями элит» [55, р. 1] и из «правил игры» [54] превращаются в объект игры по поводу правил (nested games) [62].

В частности, институт выборов при авторитаризме подвергается «порче» за счет возможности массированных электоральных злоупотреблений. Шедлер еще в 2002 г. систематизировал и проанализировал те инструменты, которыми авторитарные правители пользуются для сохранения подконтрольности результатов выборов, составив так называемое «меню манипуляций» [61] — приемов, обеспечивающих приемлемый для инкумбента электоральный результат. В него он включил: фальсификации при голосовании и определении результатов выборов, полный или частичный недопуск к выборам неподконтрольной режиму оппозиции, искусственная дезорганизация и фрагментация оппозиции, ограничения политических и гражданских свобод, в том числе ограничения свободы СМИ, запугивание избирателей, покупка голосов, использование «перераспределительных» электоральных правил. Также автократы могут сокращать перечень выборных постов, создавая «зарезервированные должности» и целые «зарезервированные сферы» для своих назначенцев; формально и неформально ограничивать избирательные права для определенных категорий граждан; произвольно отменять результаты выборов или препятствовать избранным должностным лицам осуществлять свои полномочия.

Как показывает Магалони [47], электоральные злоупотребления несут в себе определенные риски для автократов, порой приводя к результатам, которые оказываются противоположны запланированным (например, в случае объединения оппозиции или когда происходят массовые выступления, способные привести к падению режима). Поэтому, случается, что несмотря на всю мощь, которой располагают авторитарные правители, они могут не прибегать к электоральному мошенничеству, а порой и отказываются от власти по итогам выборов. Автор анализирует стратегические расчеты, которыми руководствуются автократы при принятии решения о том, чтобы пойти на электоральные злоупотребления или воздержаться от них. В свою очередь, Норрис [53] обстоятельно исследует такой аспект авторитарных выборов, как восприятие гражданами качества электоральных процессов, доверие к институту выборов и вытекающие из этого последствия для политической системы.

Однако прямолинейный подход правителей к манипулированию выборами ставит под сомнение саму природу выборов как политического института. Кроме того, он весьма затратен, и в действительности авторитарные правители, если имеют такую возможность (бывает, что не имеют: при невысокой дееспособности государства масштабные электоральные злоупотребления могут быть единственным способом «выиграть» выборы; пример — Филиппины в 1986 г. [67]), часто предпочитают использовать более тонкие методы обеспечения нужных результатов.

Примером такого более тонкого отношения могут служить манипуляции с правилами определения победителей на выборах, т. е. с избирательными системами [4; 15]. Дело в том, что эффекты, порождаемые избирательными системами, являются в значительной степени «механическими» [20], и потому их направление и сила как на демократических, так и на авторитарных выборах, в основном, совпадают. Даже применительно к демократиям известно, что избирательные системы — наиболее легко манипулируемый элемент политической системы [59]. В автократиях же их выбор и, при необходимости, изменение практически полностью находится в руках диктатора и его советников¹.

Барбера [4] исходит из того, что в авторитарных режимах с многопартийными выборами сохраняется основное политически релевантное свойство избирательных систем — способность в той или иной степени подавлять малые партии, предоставляя за счет этого бонус крупным партиям. Особое внимание Барбера уделяет влиянию избирательных систем на фрагментацию оппозиции. Если правящая партия (или «партия власти») в автократиях с конкурентными выборами, как правило, одна (и, как правило, занимает гегемонистскую позицию) — что неудивительно, ибо единство элит обычно рассматривается как важнейший фактор выживаемости авторитарного режима [39] — то оппозиционных партий может быть от одной до значительного количества. Барбера исследует роль избирательной системы в этом обстоятельстве. Он доказывает, что более рестриктивные избирательные системы (мажоритарные, пропорциональные в малых округах) стимулируют объединение оппозиции в коалицию, а граждане при этом более склонны голосовать за жизнеспособные партии, чтобы не тратить свои голоса впустую. Менее рестриктивные избирательные системы (пропорциональные с округами большой величины) не создают таких стимулов, что приводит к увеличению числа оппозиционных партий и фрагментации оппозиции. От фрагментации оппозиции, в свою очередь, также зависит выживаемость режима и, кроме того, конфигурация режима, который может прийти ему на смену.

¹ Свидетельства об осведомленности авторитарных лидеров о последствиях применения различных избирательных систем см. в: [29]. Вместе с тем, существуют и относительно немногочисленные примеры грубых ошибок автократов при выборе электоральных правил — см., например: [36].

Чан и Хигасидзима [15] идут дальше в направлении, проложенном Барбера, и изучают факторы, которые влияют на выбор лидерами электоральных авторитарных режимов той или иной избирательной системы. В демократиях избирательные системы отличаются стабильностью и меняются относительно редко. Наиболее распространенное объяснение этому состоит в том, что демократические политики не заинтересованы в изменении электоральных правил, поскольку во многом именно благодаря им они правят или могут прийти к власти в обозримой перспективе [16; 72]. Напротив, в диктатурах выбор избирательной системы, как правило, не требует согласования позиций разнородных политических сил и чаще всего зависит от предпочтений самого диктатора и его ближайшего окружения. Главный вывод исследователей таков: слабые диктаторы в электоральных авторитарных режимах предпочитают избирательные системы большинства, поскольку те повышают им выживаемость, обеспечивая бонус в виде дополнительных мест в легислатуре для «партии власти». Однако системы большинства обладают свойством стимулировать оппозицию к объединению. Поэтому неудивительно, что сильные диктаторы, способные обеспечить себе доминирование и без крупного бонуса со стороны избирательной системы, часто отдают предпочтение пропорциональным системам, которые, снижая входной барьер, побуждают реальных и потенциальных оппозиционеров участвовать в политике в имеющихся институциональных рамках, т. е. позволяют относительно легко кооптировать представителей оппозиции, а кроме того, сохраняют оппозицию фрагментированной.

Таким образом, институты при авторитаризме, хотя и подвержены манипулированию, но все же не являются полной фикцией. К работам, подтверждающим стабилизирующий характер авторитарных выборов, примыкают также исследования, обнаруживающие этот эффект у всех исходно демократических институтов, и в частности, у легислатур [6; 35], и у политических партий [48; 69]. Так, Магалони и Уоллес доказывают, что более устойчивыми являются автократии, в которых есть институционализированные политические партии [49]. Райт и Эскриба-Фолч также обнаруживают, что легислатуры повышают стабильность автократий. Однако, по данным этих исследователей, авторитарные партии способны расшатывать основы авторитаризма, что противоречит ряду других представленных в литературе выводов. Согласно Райту и Эскриба-Фолчу, логика здесь такова: в случае демократизации такие партии могут защищать интересы авторитарных элит. Таким образом, их наличие делает более вероятной трансформацию режима и даже его демократизацию [79]. Мысль о том, что политические институты как таковые оказывают положительное воздействие на выживаемость автократий, является центральной в работе Ганди и Пшеворски: «Расширяя основу поддержки правителя, институты продлевают срок его пребывания у власти» [25].

В связи с тезисом о стабилизирующей роли авторитарных выборов особый интерес представляет вопрос о том, чем именно такие выборы могут быть полезны диктаторам. Различные функциональные роли, которые выполняют выборы в авторитарных режимах, подробно обсуждаются в литературе [см., например: 1; 7; 24], однако в силу ограниченности объема настоящей статьи здесь не рассматриваются.

Выборы как подрывной фактор

Вместе с тем выборы могут иметь и подрывной эффект для диктатуры. Как обнаружили Хадениус и Теорелл, многопартийные авторитарные режимы имеют меньший средний срок жизни по сравнению с другими типами авторитаризма [31]¹.

¹ В отличие от Геддес [26], чей вывод о наименьшей долговечности военных режимов исходил из деления авторитарных режимов на персоналистские, военные и однопартийные, Хадениус и Теорелл подразделяют автократии на монархии, военные режимы, беспартийные

Однако выше было продемонстрировано, что авторитарные лидеры инициируют или допускают проведение выборов лишь в той мере, в какой они ожидают от них укрепления собственного режима. Почему же тогда автократические выборы порой приводят к непреднамеренным последствиям? В самом общем виде ответ на этот вопрос дает Шедлер: являясь ограничителями авторитарных правителей, выборы делают их уязвимыми перед другими. «Для правителей порождаемые выборами структурные зависимости создают структурные уязвимости. Для их союзников, агентов и противников они создают структурные возможности оспаривания существующего баланса сил. Когда авторитарные правители допускают оппозиционные партии, выборы создают возможность того, что эти партии окажутся менее лояльными и робкими, чем ожидается» [63, р. 147].

Обширную литературу об антиавторитарных эффектах авторитарных выборов можно разделить на две большие группы. Первую составляют исследования, посвященные взаимосвязи выборов и наступающей вследствие них нестабильности, вторую — работы, доказывающие более сильное утверждение о наличии связи между выборами и последующей демократизацией.

Исследования *первой группы*, как правило, исходят из того, что даже минимально конкурентные выборы несут в себе некоторый риск для действующей авторитарной власти, имеют открытый исход и тем самым создают хотя бы минимальное окно возможностей для оппозиции. «Конкурентный авторитаризм по своей сути противоречив. Легитимные процедуры (т. е. регулярные, конкурентные выборы) подрываются нелегитимными практиками, такими как фальсификация голосования, насильственное лишение избирательных прав и предвзятость СМИ. Эти внутренние противоречия одновременно укрепляют и подрывают надежды оппозиции, гражданского общества и населения (и даже умеренных и реформаторов в рамках действующих режимов), на то, что более либеральный порядок возможен. Таким образом, оппозиция считает инкумбента главным препятствием на пути к более демократической системе управления, и поскольку... институты перемен уже существуют, победа, скорее всего, будет воспринята как вполне достижимая» [33, р. 369]. Таким образом, выборы способны стать «фокальной точкой» для разнородных оппозиционных сил, позволяя им мобилизоваться, на время забыть о разногласиях и объединить усилия в борьбе с авторитарным режимом. Если, несмотря на все усилия режима, оппозиции удастся показать хороший электоральный результат, то способность выборов сигнализировать о силе режима может обернуться против него, поскольку будет подан сигнал о том, что режим в действительности слаб. Следовательно, в краткосрочной перспективе выборы дают повод и возможность оппозиционным группам бросить вызов авторитарной власти и даже свергнуть ее [33].

Дестабилизирующие последствия имеет также эмпирически установленная склонность авторитарных режимов усиливать репрессии во время проведения выборов, пытаясь тем самым противодействовать потенциальным угрозам [32]. Вслед за выборами также порой происходят масштабные протесты, вызываемые неудовлетворенностью их контролируемым характером, подозрениями во вбросах и фальсификациях или даже очевидными электоральными злоупотреблениями, причем такие протесты играют важную роль в падении автократий [3; 5; 11; 44; 74]. Кроме того, выборы повышают риск этнических гражданских войн [14]. Наконец, во время выборов, в период, когда авторитарные режимы особенно уязвимы, на них может оказываться более сильное внешнее давление со стороны стран, продвигающих демократию [39, р. 42]. Это может быть политическая и финансовая поддержка демократической оппозиции, критика электоральной политики режима,

автократии, однопартийные автократии и ограниченно многопартийные автократии. В этом смысле их вывод не противоречит выводу Геддеса.

санкции против его ключевых фигур и т. п. Таким образом, в авторитарные выборы встроены специфические механизмы, которые способны производить эффект, обратный их общему стабилизирующему эффекту.

Именно такое обобщение с опорой на широкий массив эмпирических данных делается в исследовании Кнутсена, Нюгарда и Вига [37]. Согласно этой работе, умозаключения о стабилизирующей или дестабилизирующей роли выборов возможны только с учетом временных паттернов их воздействия на устойчивость режима. Исследователи обнаруживают, что выборы как институт стабилизируют автократии (в долгосрочной перспективе), однако выборы как событие способны порождать нестабильность (в краткосрочной перспективе). В долгосрочной перспективе выборы повышают возможности кооптации и репрессий, но в краткосрочной перспективе они служат фокальной точкой для оппозиции. Стабилизационные механизмы работают с определенным запаздыванием, тогда как дестабилизация происходит быстрее. Таким образом, авторитарные лидеры могут сознательно идти на краткосрочные риски в обмен на укрепление власти впоследствии.

В свою очередь, Поп-Элешес и Робертсон фокусируются на эффектах авторитарных выборов в краткосрочной перспективе и приходят к выводу, что «выборы как событие» (в отличие от «выборов как института») имеют значительное влияние на политическую динамику вне зависимости от направления [56]. То есть сразу и вскоре после выборов увеличивается вероятность как политической либерализации, так и делиберализации.

Исследователи связывают это с тем, что избирательные кампании в автократиях при наличии определенного уровня конкуренции являются процессом интенсивного обмена информацией. В отличие от многих других работ, отмечающих информационную роль авторитарных выборов, в исследовании Поп-Элешеса и Робертсона подчеркивается, что процесс выборов не только инкубентам дает нужные сведения об уровне их поддержки и о характеристиках их подчиненных, но помогает «и другим политическим акторам больше узнать о природе, позициях, сильных и слабых сторонах инкубентов и фигур оппозиции и создать новые коалиции на основе этой информации, которая может радикально изменить политику по сравнению с ситуацией до выборов» [56, р. 462]. Выборы, таким образом, образуют некий период интенсивной коммуникации и распространения политически важных знаний, что делает их своего рода зоной политической турбулентности.

Неудивительно, что, как устанавливают Поп-Элешес и Робертсон, и либерализация, и делиберализация происходят чаще при относительно конкурентных, но несправедливых выборах, чем при свободных и справедливых выборах и, с другой стороны, чем при полностью безальтернативных выборах. Также влияние авторитарных выборов на политическую динамику оказывается сильнее в ограниченной, но не полностью закрытой информационной среде по сравнению с выборами в условиях наиболее ограниченных СМИ и, наоборот, в условиях достаточно свободных СМИ. А вот направление политической динамики (либерализация или делиберализация) зависит от других факторов и не связано с информационной ролью авторитарных выборов.

Вторая группа работ исследует причинно-следственные связи между проведением выборов и последующей демократизацией [9; 31]. Так, например, Хадениус и Теорелл, обнаружив, что многопартийные автократии наименее долговечны по сравнению с другими авторитарными режимами, установили, что многопартийные автократии по сравнению с другими автократиями имеют также и наибольшие шансы на демократизацию. Проанализировав смены режимов в период с 1972 по 2003 г., они пришли к выводу, что переход от авторитарного режима с ограниченной многопартийностью в более чем 50% случаев привел к демократии [31, р. 152].

Однако, пожалуй, наиболее известной теорией, сформулированной в этой парадигме, является теория «демократизации посредством выборов» Линдберга, согласно которой регулярное проведение выборов в долгосрочной перспективе может расшатывать диктатуру и вести к демократизации. Опираясь на материал стран Африки южнее Сахары, Линдберг пришел к выводу [42], что регулярное проведение выборов в течение длительного времени, какими бы злоупотреблениями и низкой конкуренцией они ни отличались, работает на расширение гражданских и политических свобод в стране, поскольку повышает гражданскую компетентность избирателей, способствует привитию им демократических норм, развитию гражданских ассоциаций¹. Построенная на этой основе теория «демократизации через выборы» [41] предполагает, что регулярно проводимые выборы, пусть и не соответствующие демократическим стандартам и даже насквозь фальсифицированные, в конечном счете все же благоприятствуют дальнейшей демократизации, поскольку способствуют укоренению демократических норм среди элит и граждан и повышают среди них терпимость к политической оппозиции (то, что Линдберг называет «эффектом научения»), поддерживают хотя бы минимальный уровень политической конкуренции, повышают издержки политических репрессий. В подтверждение теории Линдберга Миллер, опираясь на выборку, охватывающую большое число случаев и значительный исторический период (1815–2004 гг.), показывает, что регулярное проведение авторитарных выборов положительно влияет на перспективы перехода к демократии и на последующую выживаемость демократических режимов [51].

Исследователи, помимо прочего, изучают зависимость возможностей демократизации через выборы от особенностей режима. Согласно Теореллу, например, многопартийные автократии демократизируются с большей вероятностью по сравнению с другими типами автократий (военными режимами, монархиями) [73]. Левицки и Вэй связывают перспективы демократизации конкурентных авторитарных режимов с комбинацией трех факторов: связей с Западом, уязвимости к западному давлению и организационной силы режима [39]. При этом связи с Западом выступают определяющим фактором². Райт и Эскриба-Фолч, как упоминалось выше, считают фактором демократизации авторитарные партии [79]. Согласно Донно, в конкурентных авторитарных режимах формирование эффективных оппозиционных коалиций для участия в выборах в сочетании с давлением международных акторов делает демократизацию вероятной, тогда как в гегемонистских авторитарных режимах эта взаимосвязь не прослеживается [19].

Шулер, Георгиев и Канту воспроизводят описанную выше логику противоположного дестабилизирующего/стабилизирующего эффекта авторитарных выборов в зависимости от временной перспективы, однако в первую очередь исследуют вероятность не падения авторитаризма вообще, а его демократизации: «Конкурентные выборы при авторитарном правлении создают сильный краткосрочный риск начала перехода к демократии... [но] в долгосрочной перспективе выборы могут способствовать долговечности режима» [65, p. 25].

Магалони описывает три основных сценария, в рамках которых практикующий выборы авторитаризм может быть преобразован в демократию и, соответственно,

¹ Ср. еще у Дюверже: «Эта система, быть может, дает какую-то демократическую подготовку на будущее: как бы там ни было, поддельные выборы приучают к процедуре голосования народ, которому до того она была попросту неведома; эти лишенные внутреннего смысла ритуалы обучают хотя бы демократическим приемам... Так в бассейне учатся плавать — сначала на сухом месте, распластавшись на тумбе, новички проделывают движения пловца» [20, p. 371].

² Такая однобокость в объяснении демократизации стала одной из основных мишеней критики концепции Левицки и Вэй (подробнее см.: [2]).

несвободные и несправедливые авторитарные выборы могут приобрести подлинно демократическое качество (хотя каждый из этих сценариев может и не вести к демократизации) [47, р. 751].

Во-первых, это «крушение поезда»: мощная консолидированная оппозиция демонстрирует готовность ко всеобщему восстанию перед лицом возможных электоральных злоупотреблений, ввиду такой угрозы инкубент-авторитарий вынужден отказаться от мошенничества и провести честные выборы, на которых терпит поражение и уходит. Во-вторых, это сценарий «пакта элит», подробно проработанный еще в русле транзитологического подхода: правящая группа идет на соглашение относительно правил распределения власти и, в конечном итоге, проведения честных выборов с мощной, но готовой к компромиссам оппозицией в надежде хотя бы на частичную победу даже и на таких честно организованных выборах или осознавая, что издержки электоральных злоупотреблений становятся слишком велики. И, наконец, в-третьих, это «гражданская революция», в ходе которой происходит массовая мобилизация граждан, возмущенных очевидной «кражей» выборов правящей группой, и завершающаяся ее свержением при условии отказа репрессивного аппарата от ее поддержки. После этого могут быть проведены честные выборы. Так, например, электоральные победы оппозиции в конкурентных авторитарных режимах находятся в фокусе внимания Банс и Волчик [11], которые сравнивают выборы, состоявшиеся с конца 1990-х по конец 2000-х гг. в ряде посткоммунистических стран Европы и бывшего СССР. Исследователи устанавливают, что такие победы возможны при условии, если режим в том или ином отношении уязвим, а оппозиция выступала скоординировано. Однако этого недостаточно. Победы происходят, когда оппозиция не просто объединяется, а когда ей удается провести действительно инновационную, беспрецедентно амбициозную, тщательно спланированную избирательную кампанию, в ходе которой ей удается убедить избирателя, что победа возможна, на этой основе повысить уровень явки и организовать эффективный мониторинг выборов¹.

Все три указанных сценария предполагают вынужденный отказ автократов от власти в ситуации, когда у них не остается другого выхода в силу внутреннего распада режима, массовых протестов, давления из-за рубежа и т. д. Ряд авторов, однако, разрабатывает теорию «авторитарной демократизации», которая происходит под руководством лидеров авторитарного режима [57]. Такое возможно, когда выгоды для автократов перевешивают потенциальные издержки и когда риски перехода сопоставимы с рисками передачи власти оппозиции в современных демократических режимах. Подобная траектория демократизации обнаруживается на протяжении веков на многих континентах. Этот сценарий возможен лишь при высоком уровне требований демократизации как внутри страны, так и извне. Но вместе с тем его необходимым условием является наличие мощной партии-инкубента, которая уверена в своем электоральном успехе, даже если выборы проводятся свободно и честно. Иными словами, серьезные требования перемен в такой ситуации еще не ставят лидеров режима в безвыходное положение, и у них остается возможность успешного сопротивления. Такая «демократизация под авторитарным руководством», как правило, представляет собой длительный и постепенный процесс, начинающийся с незначительных обратимых экспериментов и отнюдь не сразу переходящий в полноценные демократические преобразования, при которых правящая партия «учится проигрывать» [ср.: 78].

Стоит отметить, однако, что теория о связи авторитарных выборов с последующей демократизацией имеет и немало противников. Так, например, Маккой и Хартлин выражают сомнение, что результаты, полученные на материале африканских стран,

¹ Есть данные о том, что электоральный успех оппозиции положительно связан с явкой на выборы [21].

поддаются генерализации [50]. Сами эти авторы исследовали авторитарные выборы в Латинской Америке и не обнаружили в них никакого демократизирующего эффекта. Моргенбессер и Пепински рассматривают сильное государство и неопатримониальные практики как механизмы, способные подорвать демократизирующую силу выборов [52]. Опираясь на примеры из Юго-Восточной Азии, эти авторы допускают, что конкурентные многопартийные выборы являются скорее результатом процесса демократизации, чем его причиной. В условиях же стабильного и продолжительного авторитаризма демократизирующий потенциал выборов нивелируется.

Браунли, в свою очередь, не отрицает связи между авторитарными выборами и демократизацией, но утверждает, что эта связь опосредованная. По его мнению, авторитарные выборы «скорее выявляют политические тенденции, чем стимулируют их» [8, р. 9]. Выборы могут привести к падению авторитаризма, но лишь в том случае, если режим уже начал распадаться. Вообще же, «результаты выборов в авторитарном контексте, как правило, ратифицируют, а не перераспределяют власть, которой обладают конкурирующие группы» [8, р. 9]. Что касается демократизации, Браунли исследует место ограниченной политической конкуренции в структуре авторитарных режимов, отмечая ее положительное влияние на вероятность демократизации уже после падения автократии [9]. По Браунли, конкурентные выборы сами по себе не ведут к падению автократий, однако если такое падение состоялось — вследствие ли выборов, вооруженного конфликта, переворота или революции — то следующий режим с большей вероятностью будет демократическим, если при предыдущем проводились конкурентные выборы. «Конкурентный авторитаризм значительно повышает вероятность того, что преемником такого правительства станет электоральная демократия. Выборы не дают оппозиционерам независимого механизма для смещения инкубентов, но там, где оппозиция способна действовать решительно, конкурентные выборы предвещают хорошие шансы на то, что следующий режим будет соответствовать минимальным стандартам демократического правления» [9, р. 531]. Иначе говоря, режим с большей вероятностью будет демократическим, если он приходит на смену авторитаризму с выборами. В этом смысле конкурентные авторитарные режимы имеют больше шансов смениться демократией, чем гегемонистские или закрытые.

Заключение

Исследования авторитарных выборов — быстро развивающееся направление в политической науке, демонстрирующее изобилие новых оригинальных идей. Возросшее за последние два десятилетия внимание к этому феномену обусловлено тем, что авторитаризм проявил существенно большую гибкость и адаптивность, чем от него ожидалось, сумев поставить себе на службу ряд институтов, исходно складывавшихся в лоне демократии.

Конечно, до построения целостной теории авторитарных выборов пока еще далеко. Как показывает данная статья, в литературе имеется серьезный пробел, связанный с противоречивыми результатами влияния выборов на выживание автократий. Выборы при авторитаризме порождают противоположные ожидания, и исследователи пока не знают, как примирить эти противоположности.

Однако фундаментальный базис для создания теории уже есть: достигнуто понимание того, что институты, традиционно ассоциируемые с демократией — выборы, легислатуры, партии — не являются исключительным достоянием демократических режимов. Что такие институты способны служить автократическим целям. Для сторонников демократического правления это ставит важный вопрос: в какой мере развитие демократии может быть стимулировано институциональными реформами? А для исследователей — открывает захватывающие перспективы.

Едва ли можно ожидать, что логика, механизмы и эффекты авторитарных выборов будут изучены столь же досконально и глубоко, как и выборы в развитых демократиях. Это связано, прежде всего, с принципиальной непрозрачностью авторитарных режимов, в том числе затрудненностью доступа к данным. Однако в целом данная исследовательская программа, безусловно, способна сорвать завесу с тайн и секретов авторитаризма.

Литература/References

1. Медведев Ю.С. Зачем автократам выборы? Политическая наука о роли выборов при авторитаризме // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 189–200. [Medvedev Yu.S. Why do autocrats need elections? Political science about the role of elections in authoritarianism // Comparative Politics Russia. 2020. V. 11. N. 4. P. 189–200 (in Rus)].
2. Медведев Ю.С. Концепция конкурентного авторитаризма и ее критика в научной литературе // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2021. № 1 (100). С. 154–169. [Medvedev Yu.S. Concept of competitive authoritarianism and its criticism in scientific literature // Politeia. 2021. N 1 (100). P. 154–169 (in Rus)].
3. Baev P.K. A matrix for post-Soviet “color revolutions”: exorcising the devil from the details // International Area Studies Review. 2011. V. 14. N. 2. P. 3–22.
4. Barbera P. When Duverger Becomes Autocratic: Electoral Systems and Opposition Fragmentation in Non-Democratic Regimes. Working Paper, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://pablobarbera.com/static/duverger-becomes-autocratic.pdf> (date of the address: 03.11.2021).
5. Beaulieu E. Electoral Protest and Democracy in the Developing World. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
6. Boix C., Svolik M.W. The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions, Commitment, and Power-Sharing in Dictatorships // Journal of Politics. 2013. V. 75. N. 2. P. 300–316.
7. Brancati D. Democratic Authoritarianism: Origins and Effects // Annual Review of Political Science. 2014. V. 17. P. 313–326.
8. Brownlee J. Authoritarianism in an Age of Democratization. New York: Cambridge University Press, 2007.
9. Brownlee J. Portents of Pluralism: How Hybrid Regimes Affect Democratic Transition // American Journal of Political Science. 2009. V. 53. N. 3. P. 515–532.
10. Bueno de Mesquita B. et al. The Logic of Political Survival. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
11. Bunce V.J., Wolchik S.L. Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes // World Politics. 2010. V. 62. N. 1. P. 43–86.
12. Carnegie P.J. The Road from Authoritarianism to Democratization in Indonesia. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
13. Carothers T. End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. V. 13. N. 1. P. 5–21.
14. Cederman L.-E., Gleditsch K.S., Hug S. Elections and Ethnic Civil War // Comparative Political Studies. 2013. V. 46. N. 3. P. 387–417.
15. Chang E.C. C., Higashijima M. The choice of electoral systems in electoral autocracies // Government and Opposition. 2021.
16. Cox G.W. Making Votes Count. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
17. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, CT: Yale University Press, 1971.
18. Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. V. 13. N. 2. P. 21–35.
19. Donno D. Elections and Democratization in Authoritarian Regimes // American Journal of Political Science. 2013. V. 57. N. 3. P. 703–716.
20. Duverger M. Political Parties: Their Organizations and Activity in the Modern State. London: Methuen and Co. Ltd, 1964 [1951].
21. Frantz E. Voter turnout and opposition performance in competitive authoritarian elections // Electoral Studies. 2018. V. 54. P. 218–225.
22. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: The Free Press, 1992.
23. Gandhi J. Elections and Political Regimes // Government and Opposition. 2015. V. 50. N. 3. P. 446–468.
24. Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism // Annual Review of Political Science. 2009. V. 12. P. 403–422.

25. Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. 2007. V. 40. N. 11. P. 1279–1301.
26. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // *Annual review of political science*. 1999. V. 2. N. 1. P. 115–144.
27. Gerschewski J. The three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes // *Democratization*. 2013. V. 20. N. 1. P. 13–38.
28. Glasius M. What Authoritarianism Is ... And Is Not: A Practice Perspective // *International Affairs*. 2018. V. 94. N. 3. P. 515–533.
29. Golosov G.V. Why and How Electoral Systems Matter in Autocracies // *Australian Journal of Political Science*. 2016. V. 51. N. 3. P. 367–385.
30. Greene K.F. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // *Comparative Political Studies*. 2010. V. 43. N. 7. P. 807–834.
31. Hadenius A., Teorell J. Pathways from Authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2007. V. 18. N. 1. P. 143–157.
32. Hafner-Burton E.M., Hyde S.D., Jablonski R.S. When Do Governments Resort to Election Violence? // *British Journal of Political Science*. 2014. V. 44. N. 1. P. 149–179.
33. Howard M., Roessler P. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*. 2006. V. 50. N. 2. P. 365–381.
34. Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991.
35. Jensen N.M., Malesky E., Weymouth S. Unbundling the relationship between authoritarian legislatures and political risk // *British Journal of Political Science*. 2014. V. 44. N. 3. P. 655–684.
36. Kaminski M.M. Do parties benefit from electoral manipulation? Electoral laws and heresthetics in Poland, 1989-93 // *Journal of Theoretical Politics*. 2002. V. 14. N. 3. P. 325–358.
37. Knutsen C.H., Nygård H.M., Wig T. Autocratic elections: Stabilizing tool or force for change? // *World Politics*. 2017. V. 69. N. 1. P. 98–143.
38. Lehoucq F. Electoral fraud: Causes, types, and consequences // *Annual Review of Political Science*. 2003. V. 6. N. 1. P. 233–256.
39. Levitsky S., Way L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
40. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2002. V. 13. N. 2. P. 51–65.
41. Lindberg S. et al. (Ed.). *Democratization by elections: A new mode of transition*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009.
42. Lindberg S. *Democracy and Elections in Africa*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2006.
43. Linz J.J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder; London: Lynne Rienner Publisher, 2000 [1975].
44. Little A.T., Tucker J.A., LaGatta T. Elections, protest, and alternation of power // *The Journal of Politics*. 2015. V. 77. N. 4. P. 1142–1156.
45. Lust-Okar E. *Structuring Conflict in the Arab World: Incumbents, Opponents, and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
46. Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. 2008. V. 41. N. 4-5. P. 715–741.
47. Magaloni B. The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule // *American Journal of Political Science*. 2010. V. 54. N. 3. P. 751–765.
48. Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.
49. Magaloni B., Wallace J. *Citizen Loyalty, Mass Protest and Authoritarian Survival*. Paper prepared for the conference on Dictatorships: Their Governance and Social Consequences, Princeton University, April 25–26, 2008.
50. McCoy J., Hartlyn J. The relative powerlessness of elections in Latin America // S. Lindberg et al. (Ed.). *Democratization by elections: A new mode of transition*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009.
51. Miller M.K. Democratic pieces: Autocratic elections and democratic development since 1815 // *British Journal of Political Science*. 2015. V. 45. N. 3. P. 501–530.
52. Morgenbesser L., Pepinsky T. *States, neopatrimonialism, and elections: Democratization in Southeast Asia*. Griffith: Griffith University, 2016.
53. Norris P. *Why Electoral Integrity Matters*. N.Y.: Cambridge University Press, 2014.
54. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

55. Pepinsky T. The Institutional Turn in Comparative Authoritarianism // *British Journal of Political Science*. 2014. V. 44. N. 3. P. 631–653.
56. Pop-Eleches G., Robertson G.B. Information, elections, and political change // *Comparative Politics*. 2015. V. 47. N. 4. P. 459–495.
57. Riedl R. B. et al. Authoritarian-led democratization // *Annual Review of Political Science*. 2020. V. 23. P. 315–332.
58. Riker W.H. Implications from the Disequilibrium of Majority Rule for the Study of Institutions // *American Political Science Review*. 1980. V. 74. N. 2. P. 432–446.
59. Sartori G. Political Development and Political Engineering / In J. Montgomery and A. Hirschman (Eds.). *Public Policy*, V. 17, Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
60. Schedler A. The Logic of Electoral Authoritarianism / In *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, edited by A. Schedler. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.
61. Schedler A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*. 2002. V. 13. N. 2. P. 36–50.
62. Schedler A. The nested game of democratization by elections // *International Political Science Review*. 2002. V. 23. N. 1. P. 103–122.
63. Schedler A. *The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013.
64. Schmitter Ph., Karl T.L. What Democracy Is ... And Is Not // *Journal of Democracy*. 1991. V. 2. N. 3. P. 75–88.
65. Schuler P.J., Gueorguiev D.D., Cantu F. Risk and reward: The differential impact of authoritarian elections on regime decay and breakdown // Available at SSRN 1718056. — 2013.
66. Schumpeter J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. London: Routledge, 2010 [1943].
67. Seeberg M.B. State Capacity and the Paradox of Authoritarian Elections // *Democratization*. 2014. V. 21. N. 7. P. 1265–1285.
68. Simpser A. *Why Governments and Parties Manipulate Elections: Theory, Practice, and Implications*. New York: Cambridge University Press, 2013.
69. Smith B. Life of the party: The origins of regime breakdown and persistence under single-party rule // *World Politics*. 2005. V. 57. N. 3. P. 421–451.
70. Stockmann D., Gallagher M.E. Remote Control: How the Media Sustain Authoritarian Rule in China // *Comparative Political Studies*. 2011. V. 44. N. 4. P. 436–467.
71. Svobik M.W. *The Politics of Authoritarian Rule*. New York: Cambridge University Press, 2012.
72. Taagepera R., Shugart M. *Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems*. New Haven: Yale University Press, 1989.
73. Teorell J. *Determinants of Democratization: Explaining Regime Change in the World, 1972–2006*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
74. Tucker J.A. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007. V. 5. N. 3. P. 535–551.
75. Tullock G. *Autocracy*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1987.
76. Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // *World Politics*. 2005. V. 57. N. 2. P. 231–261.
77. Wintrobe R. *The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
78. Wong J., Friedman E. (Ed.). *Political transitions in dominant party systems: Learning to lose*. London: Routledge, 2008.
79. Wright J., Escribà-Folch A. Authoritarian Institutions and Regime Survival: Transitions to Democracy and Subsequent Autocracy // *British Journal of Political Science*. 2012. V. 42. N. 2. P. 283–309.

Об авторе:

Медведев Юрий Семенович, доцент кафедры сравнительных политических исследований факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; medvedev-ys@ranepa.ru

About the author:

Yury S. Medvedev, Associate Professor of the Chair of Comparative Political Studies of the Faculty of International Relations and Politics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences); medvedev-ys@ranepa.ru